

Вал. А. Луков

**Гуманитарная
экспертиза:
от теории
к практике**

Разработка проблем гуманитарной экспертизы на уровне ее теоретического осмысления и обоснования с переменным успехом идет на протяжении последних десятилетий. Ее суть состоит в том, что распространение новых технологий порождает опасные для человека и человечества риски, которые необходимо предупредить до того, когда они выйдут из-под контроля и приведут к необратимым последствиям. Специфика гуманитарной экспертизы в научных дискуссиях в основном нащупана. Ее главные черты (на основе трудов Б. Г. Юдина, возглавлявшего это направление в Институте человека РАН, а ныне продолжающего работу по проблематике гуманитарной экспертизы в возглавляемом им Центре биоэтики Института гуманитарных исследований МосГУ) могут быть сведены к следующему:

— гуманитарная экспертиза представляет собой опережающее реагирование, призванное обнаружить возможные риски нововведений (включая и гуманитарные технологии), когда они еще не очевидны и слабо осознаются в обществе;

— гуманитарная экспертиза, в отличие от этической экспертизы, не является одноразовым ме-

роприятием, завершающимся принятием управленческого решения, она — своего рода мониторинг проблемы и одновременно форма диалога сторон, ответственных за реализацию инноваций;

— эксперт в данном виде экспертизы прежде всего характеризуется способностью адекватно выразить интересы, надежды и опасения «рядового обывателя», его узкий профессионализм здесь отходит на второй план¹.

Такое понимание гуманитарной экспертизы представляется наиболее адекватным современным проблемам общественного развития. В то же время оно порождает многие вопросы при переходе от теоретического обоснования к практической реализации идеи. Б. Г. Юдин в числе дискуссионных вопросов назвал: (1) неясность относительно институционального характера гуманитарной экспертизы; (2) проблему отбора экспертов; (3) неопределенность того, где заключена гуманитарная составляющая

¹ Работа поддержана грантом РГНФ №06-03-91312а/У.

такой экспертизы — в инструментари или в результатах; (4) смутность в вопросе, что же подвергается экспертизе: предмет, воздействующий на человека, или технология (т. е. способ взаимодействия человека и предмета)².

Занимаясь проблемами фамилистической экспертизы (а по своим основаниям она близка к экспертизе гуманитарной³), мы столкнулись и с другими нерешенными вопросами, также относящимися к переходу от теоретических постулатов к практике организации экспертной деятельности и применения ее инструментов. Анализ литературы показал, что немалую растерянность сторонников научного обоснования мер в области социальной политики в свое время вызвали негативные итоги крупных социальных программ, направленных на поддержку семей и принятых (в том числе и как акты законодательства) в ряде промышленно развитых стран. В США, например, большой резонанс вызвал провал масштабных социальных программ администрации президента Джонсона, провозглашенных в 1960-е годы под девизом «войны против бедности». В ряде случаев (в области обеспечения семей жильем и др.) эти программы привели к прямо противоположному планировавшемуся результату, который вдобавок отрицательно сказался не на части, а на всех семьях со средним достатком⁴. Подобным образом не оправдали себя правительственные социальные программы 1970-х годов в Италии⁵ и ряде других европейских стран. На основе этого неудавшегося опыта сформировалась точка зрения, отрицающая концепцию, согласно которой на систему социального обеспечения возлагаются задачи борьбы с бедностью и обеспечения каждой семье гарантированного прожиточного минимума. Эта концепция критиковалась, поскольку компенсации осуществимы только путем перераспределения, не создают новых средств⁶.

Приводя пример из социальной сферы, мы обращаем внимание на то, что задачи гуманитарной экспертизы оказываются

в сложной связи с задачами экспертизы социальной (социокультурной) и правовой. Надо, среди прочего, определиться, в какой мере к предметам гуманитарной экспертизы относятся обсуждаемые в обществе (в странах с высоким уровнем жизни в том числе) социальные проблемы, например, относительно гендерной сегрегации в оплате труда⁷ или правовой проблемы, например, юридических последствий электронной подписи⁸. В первом случае связь с гуманитарными технологиями менее заметна, во втором — есть технология, но не ясна проблема угрозы ее применения для человечества.

Другая проблема — отсутствие единой позиции в научном сообществе по обсуждаемым в обществе проблемам. Споры по проблемам биоэтики, здравоохранения, перспективам человека не завершены и, более того, разгораются с новой силой (например, по проблеме клонирования)⁹. В обществе невозможно по многим вопросам, в том числе касающимся самих основ жизни человека, добиться единого мнения, но и в научных сообществах ситуация такая же: спор ведет к прояснению позиций, но вряд ли можно сказать, что они сближаются и эксперты смогут договориться между собой и дать единственно верный («научно обоснованный») ответ, предвзято рискуя и угрожая человечеству.

Возможно ли при таких обстоятельствах вообще перейти от общей постановки вопроса о гуманитарной экспертизе к практическим действиям? В чем должны заключаться сами эти практические действия? Каким путем к ним приступить?

В отношении первого вопроса можно констатировать, что стихийно гуманитарная экспертиза уже существует, хотя ее институционализация находится в начальной стадии. Имеющийся опыт оценки действия лекарственных препаратов и рекомендации их к производству и продаже находится на одном полюсе институциональных практик: здесь имеется установленный режим сертификации, хотя бы он и был несовершенным. На другом полюсе — дискурс в среде научной интеллигенции о гуманитарной экспертизе,

ее содержании, методике и т. п. Споры ученых нередко слишком абстрактны и беспомощны в практическом смысле, но это важная форма общественной инициативы, содержащая ростки взаимодействия гражданского общества и государства в этой сфере.

Стихийная гуманитарная экспертиза показывает и путь ее дальнейшей институционализации (и это ответ на второй наш вопрос): необходимо вывести на уровень правового регулирования ту часть экспертных действий, которые уже в той или иной мере освоены. Этот путь в России довольно редкий, обычно у инициаторов того или иного решения есть стремление закрепить его в форме закона без учета того, что есть другие правовые средства. Между тем мировой опыт показывает, что правильнее идти от этапа к этапу, закрепляя то, о чем удалось договориться, даже если это фрагменты системы, а не сама система. Пример такой конвенциональности находим в смежных областях, в частности в установлении приоритетов государственной семейной политики Франции, которая в начале 1990-х годов основывалась на задачах достижения прогресса в формировании «необходимых условий для семьи». К таким условиям были отнесены: более высокое качество жилищного строительства; уменьшение больших ансамблей; приобщение к собственности; улучшение старых жилищ; развитие и концентрация коллективного обслуживания соседей; создание агентств по социальному обучению; упрощение ежедневных перемещений; более приемлемые пространства для проживания; более совершенная защита окружающей среды; разрешение проблем, возникающих из-за несоответствия профессиональной жизни родителей и обучения детей; улучшение форм проведения досуга взрослыми и детьми (организация досуга в школе, во внешкольное время, развитие центров досуга, помощь ассоциациям досуга и каникулярным центрам, полная занятость школьных и спортивных помещений и спортивных площадок), непременно учитывая их желания и их выбор; планирование времени¹⁰.

Этот перечень никак не производит впечатления системы, здесь все смешано по уровням и масштабам задач. Но смысл его в том, что это формулы, которые к тому моменту удалось согласовать. Они, таким образом, приемлемы и для государственных структур, и для структур гражданского общества.

На наш взгляд, конвенциональный путь в формировании гуманитарной экспертизы позволяет делать реальные шаги на пути к институционализации гуманитарной экспертизы как целостной и относительно автономной экспертной системы. Путь этот предполагает, во-первых, анализ практики, накопленной на каждом из направлений, которое может по своему содержанию быть представлено как гуманитарная экспертиза; во-вторых, разработку проектов нормативных правовых актов (включая и законопроекты, если это целесообразно), закрепляющих прежде всего технологии гуманитарной экспертизы и порядок участия структур гражданского общества в мониторинге социальных последствий нововведений; в-третьих, разработку и апробирование технологий гуманитарной экспертизы и подготовку кадров для ее осуществления. В этом последнем пункте необходимо сразу отказаться от идеи, что экспертом может быть только академический ученый. Гуманитарная экспертиза есть прежде всего форма участия людей в лучшем устройстве мира. Из этого и следует исходить, решая практические вопросы гуманитарной экспертизы — ее закрепление в праве, перевод идеи в технологии, подготовку организаций и людей к ее осуществлению.

¹ См.: Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М., 2006. С. 214–234.

² См. там же. С. 222–227.

³ В нашей трактовке фамилистической экспертизы является исследование трудно формализуемой задачи экспертами или при их участии, имеющее целью установить влияние изучаемых социальных условий и факторов на жизнедеятельность семьи и выработать реко-

мендации по оптимизации воздействия на семью этих условий и факторов для принятия управленческих решений.

⁴ См.: Lee D. Government policy and the distortions in family housing // *The American Family and the State* / Ed. by J. R. Peden, F. R. Glahe. San Francisco, 1986. P. 309-327.

⁵ См.: Алешенок С. В., Луков В. А. Государственная молодежная политика: Мировой опыт разработки и рекомендации. Выводы для наших условий. М.: Комитет ВС РСФСР по делам молодежи, 1991.

⁶ См.: Rustant M. *La securite social en crise*. Paris: *Chronique social*, 1980. P. 9, 28.

⁷ См., например, исследования по США: *Women, gender and work: What is equality and how do we get there?* Geneva: ILO, 2001; Boraas St., Rodgers III W. M. How does gender play a role in the earning gap? An update // *Monthly labor review*. Wash., 2003. №3. P. 9-15.

⁸ См.: Pitte-Coudol T. *La signiture électronique*. Paris : Litec, 2001.

⁹ См.: Joerden J. C. *Menschenleben: Etische Grund ind Grenzfragen des Medizinrechts*. Stuttgart : Franz Steiner, 2003.

¹⁰ Lafon R. *Vocabulaire des psychopedagogie et de psychiatrie de l'enfant*. Paris: Presses Universitaires de France, 1991. P. 459.